

К 200-летию со дня рождения Владимира ДАЛЯ, собирателя «Толкового словаря живого великорусского языка»

Знойным сухим летом 1833 года, после скоропостижной смерти военного губернатора графа П.П. Сухтелена, в Оренбург прибыл назначенный на эту должность генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский. Еще до его прибытия «первой ласточкой», говорящей о характере будущего управления краем, вышел предложенный им указ об учреждении экстренной почтовой связи между столицей и Оренбургом.

Выпускник Московского университета и Муравьевского училища колонновожатых, В.А. Перовский семнадцатилетним участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1817-1818 годах он, адъютант Великого князя Николая Павловича, был (чудеса русского либерализма! — В.К.) членом тайного декабристского военного общества «Союз благоденствия». В русско-турецкую войну 1828-1829 годов получил тяжелое ранение. На той же войне был выпускник Морского корпуса и медицинского факультета Дерптского университета Владимир Иванович Даль. Как военному врачу ему кроме всего приходилось бороться с чумой и холерой.

В 1831 году в польском походе Даль под огнем неприятеля навел на бурной Висле pontонный мост собственной конструкции. За блестящее

мост, предложенный Далем, спас от гибели корпус, так и его «Описание...» выручило автора «Русских сказок» — Николай I вспомнил необыкновенную переправу. Напомнить же ему о скромном военном враче помогло вмешательство Жуковского — в то время наставника наследника престола — будущего Александра II. Современники говорили, что освобождение Даля — еще одна заслуга Жуковского перед русской литературой.

Итак, «и швец, и жнец, и на дуде игрец», морской офицер, доктор Даль успешно практиковал в Петербургском военно-сухопутном госпитале как хирург-окулист, сталкивался с холерой... Оренбургскую же губернию после эпидемии холеры 1829-1831 годов зловещая гостья посещала до сентября 1833 года. Да, можно сказать, что Даль, этот «жизнерадостный... и блестящий рассказчик и балагур», знающий латынь, немецкий, французский, английский, украинский, белорусский и польский языки, как чиновник особых поручений был «кадровой удачей» неординарнейшего администратора, «набирающего команду» для нелегкой службы на глухой окраине империи.

В Оренбург приехал сын датчанина и обрусевшей немки с женой-немкой, говорившей на ломаном русском. По словам дочери Даля Екатерины, «тогда в доме отца был еще в ходу почти только один немецкий язык». В это трудно поверить, зная эволюцию Даля. Но — «Кто на каком языке думает, — говорит он, — тот к тому народу и принадлежит. Я думаю на русском».

В конце октября в Оренбурге прошли Вторые Измайловские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения Владимира Даля, поэта, писателя, лексикографа. В них приняли участие местные писатели, ученые-филологи, их коллеги из Санкт-Петербурга, Твери, Луганска, Великого Новгорода. Об «оренбургской эпохе» деятельности В.И. Даля рассказывает эта публикация.

ПОДВИГ ДАЛЯ

выполнение этого задания он получил орден Св.Владимира и перстень с бриллиантом.

Еще в Дерпте, куда Даль попал после семи лет службы на флоте, он сошелся с друзьями Пушкина — по-этом Николаем Языковым и В.А. Жуковским — другом В. А. Перовского — тогда же начал писать и печатать стихи. Литературную известность принесли ему в 1832 году «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским...». Псевдоним напоминал о месте рождения автора в городе Лугани (Луганске) 10(22) ноября 1801 года.

Оригинальное издание стало поводом для знакомства Даля с Пушкиным. Сказки, в которых все называлось своими именами, III отделение расценило как «насмешку над правительством». Сборник изъяли из продажи, а автора арестовали. Тогда и вышло, как нельзя более кстати, его «Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерала Редигера», вскоре переизданное в Париже. Как в свое время

Отныне при Дале была «охранная грамота» военного губернатора, предписывающая всем властям на территории края «...оказывать всякое содействие, по требованию его доставлять все необходимые сведения...». И Даль сполна использовал ее в первой же своей командировке на две с половиной тысячи верст по необозримым степям, знакомясь с жизнью казачьих станиц и казахских кочевков. За месяц с лишним он проделал более полусотни операций на глазах, подтверждая славу, что «у доктора Даля обе руки правые».

Уже к концу первого года в Оренбурге Даль знал башкирский и казахский языки. Родившегося первенца назвал Львом-Василием-Арсланом. Второе имя было в честь крестного отца Перовского, а третье — тюрским переводом первого. На крестины пригласили пастора, священника и муфтия.

Еще в 1819 году, возвращаясь домой после окончания Морского корпуса, он, закончивший от холода, услышал от ямщика успокоительное: «Замолаживает!...». Выяснил, что в Новгородской губернии это означает: пасмурнеет, заволакивается тучами — к теплу. Здесь, в Оренбургском крае, где сошлись наречия выходцев из двадцати губерний, он с самозабвением поэта и педантичностью ученого собирает россыпи народного языкового богатства с его точностью, глубиной, юмором: «Тихвинцы — свято место, где тихвинца нет», «Псковичи — капустаники, мякинники, ершееды, небо колыями подпирали»... Только нравственно здоровый народ может так художественно смеяться над собой. Так закладывалась основа великого труда — «Толкового словаря живого великорусского языка» — по сути, энциклопедии русской Вселенной, русского взгляда на мир, объясняющей 200 тысяч слов, свыше 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок.

Была в характере Даля ломоносовская универсальность, причастность ко всему. Прошло всего несколько месяцев его жизни в Оренбурге, но Пушкину, приехавшему в «полуденные степи», он, как старожил, показывает окрестности, рассказывает о событиях Крестьянской войны. По дороге в Берды они обменялись народными вариантами сказок: Пушкин — о Георгии храбром и волке,

Даль — «Сказкой о рыбаке и рыбке». Вскоре Пушкин прислал Далю рукопись этой сказки с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Историк П.И. Бартев утверждал, что «за словарь свой Даль принял по настоянию Пушкина». В архиве Даля остались записи с пометкой: «Еще Пугачевщина, которую я не успел сообщить Пушкину вовремя».

Под белесым оренбургским небом, на пыльных многоязычных улицах города крепости и сонных проулках Бердской станицы, в живых дорожных разговорах до Уральска — далеко от «рассеянности света» сердцеводу Пушкину могла вполне открыться эта веселая, скромная, внимательная и великая душа. Чем иначе объяснить, что Даля, по служебной надобности оказавшегося в Петербурге, смертельно раненый Пушкин не отпускал от себя в последнюю ночь, продержав его руку в своей? Только ли доверием умирающего к врачу? Но рядом были опытные врачи — домашний доктор Спасский и дворцовый лейб-медик Арендт. В ту ночь рядом, за стеной были испытанный друг Жуковский, друг юности Вяземский... Но умер поэт «на руках у Даля», к нему обратился последние слова: «Жизнь кончена!.. Тяжело дышать, давить!».

Нет, не случайно жена поэта Наталья Николаевна передала Далю драгоценнейшую для себя реликвию — перстень с изумрудом — пушкинский талисман, а Жуковский — пробитый пулей Дантеса сюрик поэт и одну из двенадцати его посмертных масок...

В ту роковую зиму Далю пришлось заниматься насущными делами командировки: организацией «Музеума естественных произведений Оренбургского края», в частности, через Петербургскую Академию наук подготовкой в Зоологическом музее квалифицированных чучельников из «казачьих малолетков».

Самое деятельное участие Даль как ученый-натуралист принимает в формировании фондов музея: ботанической, энтомологической, минералогической коллекций.

В Оренбурге Даль написал учебники зоологии и ботаники — таких пособий русская школа еще не знала — настолько просто и понятно были изложены предметы. Изучение края — этнографические и исторические изыскания Даля — проводилось на таком высоком научном уровне, что в 1838 году Российская Академия наук избирает его своим членом-корреспондентом.

А между тем в Оренбурге готовились к военному походу в Хиву. Между Россией и Англией шла тихая дипломатическая война за обладание среднеазиатскими ханствами. Хивинский хан при поддержке англичан

грабил русские караваны, а пленники становились живым товаром. Это и стало предлогом похода.

Поход начался глубокой осенью. На рассвете 14 ноября пятитысячное войско двинулось в путь. Лил унылый дождь. На следующий день он сменился тридцатиградусным морозом.

Письмо Даля с дороги: «Не ждали вы от меня письма и всего менее, может, думали вечером 25-го ноября, что я сижу почти на открытом воздухе, в кошмоной кибитке, при маленьком огоньке, в кругу шести добрых товарищей, на морозе и пишу к вам... Идем войною и грозою на Хиву, эту дерзкую и вероломную соседку, как названа она в приказе по корпусу. Путь далек, 1500 верст... и третьего дня было 29 градусов морозу; весь отряд верхом... выюки на верблюдах, их до 12 тысяч».

Идут его письма из Хивинского похода. Ничего не упускает острый взгляд: и то, как неумело завьюченные верблюды растирают до костей спины, как глубокие снега лишают их корма, как в сорокаградусные морозы замерзают на постах часовые.

Кончилось топливом. В кибитке Даля ученики жгут футляры от дорогих приборов. «Все поняли, что наступает гибель, но никто еще не имел малодушия высказать это вслух», — пишет очевидец. Драматизм похода заглушал тоску Даля по умершей после родов жене.

1 февраля 1840 года Перовский был вынужден отдать приказ по корпусу. Чуткий стилист пушкинской школы, он избрал обращение, принятое среди однополчан, среди равных, но несвойственное военным приказам — «Товарищи!»... Здесь и рискованная дань либеральной молодости, и скрытая гордая попытка покаяния в провале похода. При всех уходах от правды в приказе были спасительные для всех слова: «Как ни больно отказаться от ожидавшей нас победы, но мы должны возвратиться на сей раз к своим пределам...».

Заканчивалась оренбургская эпоха жизни Даля. Перед отъездом в Петербург он женился на дочери участника Отечественной войны 1812 года Екатерине Львовне Соколовой. В Оренбурге, в семье родственника жены и страстного почитателя Пушкина И.А. Соколова он оставил необыкновенный дар Жуковского: посмертную маску поэта, занявшую в минувшем веке вечное место в областном краеведческом музее.

Он отмахнулся от пожелавшей ему за участие в походе тысячи десятин земли: «Какой из меня помещик! Лишние заботы старят. Есть и поинтереснее дела».

Ждали его другое великое поле и другая жатва...

Валерий Кузнецов
(Продолжение следует)

В.А. Жуковский. Художник Ю.В. Иванов

К 200-летию со дня рождения Владимира ДАЛЯ, собирателя «Толкового словаря живого великорусского языка»

(Окончание.
Начало в №46)

Даль приехал в столичный Петербург с небывалым багажом – бумагами кипами с записями слов. За тридцать лет накопилось много. Еще в походе 1829 года в военной суматохе у него с товарищем пропал выюный верблюд. Через треть века Даль вспоминал: «Товарищ мой горевал по любимому кларнету своему, доставшемся, как мы полагали, туркам, а я осиротел, с утратой своих записок: о чемоданах своих мы мало заботились. Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка, и все это погибло. К счастью, казаки подхватили где-то верблюда, с кларнетом и записками, и через неделю привели его в Адрианополь. Бывший при нем денщик мой пропал без вести». О судьбе словаря Даля можно сказать: «Бог пути кажет»...

В «Напутном слове», читанном весной 1862 года в Москве, Даль объясняет общественную нужду в словаре родного языка: «Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жу-

лей. Даль предложил «отдаться совсем, и с запасами, и с посильными трудами своими, в полное распоряжение Академии, не требуя и даже не желая ничего (в этом уточнении весь Даль! – В.К.), кроме необходимого содержания; но на это не согласились, а повторили первое предложение». Из-за огромных запасов – 80 тысяч новых слов, собранных лично Далем, – «сделка оборвалась на первой тысяче» слов.

Еще неизвестно, получили бы читатели академический словарь, судя по отношению к нему Шихматова, дело могли положить в долгий ящик.

«Что же дальше делать? – спрашивал себя Даль и отвечал, – очевидно, надеяться на Бога и на себя, и самому приниматься за дело; я зашел слишком далеко и деваться некуда...».

Чиновник Даль выполняет обязанности заведующего особой канцелярии Л. А. Перовского, ставшего министром внутренних дел; лексикограф Даль собирает слова; писатель Даль, хотя и отказался от романа, к которому наряду со словарем призывал его Пушкин, пишет прозу. Ему близка «натуральная школа» Гоголя и Белинского, близок так называемый физиологический очерк, в котором человек изображен в сво-

и поговорок. Он пытается уберечь сборник эпиграфом «Пословица несудима», разъясняя идею издания: «Собрание пословиц – это свод народной, опытной премудрости, цвет здорового ума, житейская правда народа», но изданы были «Пословицы русского народа» лишь в 1861-1862 годах.

Своих помощников в собирании слов Даль называл «доброхотными дателями», он мог бы сказать это и о себе. Его ученик и биограф писатель Мельников-Печерский поражаюсь: «Я не знал человека скромнее и нечестлибее Даля».

Около тысячи записанных народных сказок тот передал выдающемуся ученому фольклористу А.Н. Афанасьеву, песни отдал П.В. Киреевскому – автору уникального труда «Песни,

ПОДВИГ ДАЛЯ

ковского, Пушкина и на некоторых нынешних даровитых писателей, не ясно ли, что они избегали чужеречий; что старались, каждый по-своему, писать чистым русским языком? А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений – я не раз бывал свидетелем».

...Пришла пора подорожить языком народным и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении... «К Далю вполне применимы слова Вяземского о Пушкине: «Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление лично ему нанесенное».

Министр просвещения князь Шихматов предложил Далю передать Академии наук свои запасы по принятым расценкам: 15 копеек за слово, пропущенное в словаре Академии. Для сравнения: в начале сороковых годов XIX века сотня яиц стоила 1 рубль, пуд говядины – 2 рубля, пуд меда – 6 руб-

лей социальной среде. В петербургской периодике появляются его очерки «Уральский казак», «Денщик», «Русский мужик», одним из лучших признан в 1845 году его очерк «Петербургский дворник» в некрасовском альманахе «Физиология Петербурга». В повестях и рассказах живет его герой – «маленький человек» под гнетом власти. Гоголь называл творчество Даля «живой и верной статистикой России».

«Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни». Тургенев так оценил язык писателя: «Слог у Даля чисто русский, немножко мешковатый, немножко небрежный (нам крайне нравится эта мешковатость и небрежность), но меткий, живой и ладный...».

На далевских «четвергах», собиравших все талантливое и энергичное из русской интеллигенции, родилась идея организации Русского географического общества. Время географических и естественно-исторических открытий требовало специального научного учреждения для системного изучения России. В члены-учредители общества Даль привлек и своего недавнего начальника – оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского. 19 сентября 1845 года на квартире Даля состоялось первое официальное собрание учредителей, избравших помощником председателя легендарного мореплавателя члена-корреспондента Петербургской Академии наук Ф.П. Литке и кроме пятидесяти одного действительного члена одного почетного – министра внутренних дел Л.А. Перовского – нынешнего начальника Даля. Председательство принял на себя «по Высочайшему соизволению» великий князь Константин Николаевич. Даль стал одним из восьми членов Совета. Обществу было ежегодно назначено из государственного казначейства десять тысяч рублей серебром. Опыт, достойный подражания во все времена...

С 1849 по 1859 годы Даль – управляющий удельной конторой в Нижнем Новгороде. Новое его поприще посреди европейской России, на волжской державной дороге русских наречий, среди ежегодных ярмарок многое обещало и многое дало неутомимому собирателю.

В 1853 году он предложил Академии наук сборник, включающий 30130 пословиц

собранные Киреевским, лубочные картины – Публичной библиотеке, они стали основой труда Д.А. Ровинского «Русские народные картинки».

Смерть в 1856 году благоволившего к нему Льва Алексеевича Перовского, собственные хвори и конфликт с новым министром вынуждают Даля подать в отставку и в 1859 году поселиться в Москве.

Между тем, – «муравей невелик, а горы копают», – неподъемный труд Даля подошел к концу. Предваряя его отчет об этом весной 1860 года в Обществе любителей российской словесности, его председатель А.С. Хомяков «задал тон»: «Словарь В.И. Даля резко отличается от всех, появившихся прежде его: это будет словарь не языка книжного и письменного, но языка устного: в нем выступит ясно и отчетливо все богатство, вся своеобразность, вся затейливость русского слова. В нем в порядке букв увидим... ту живую мысль, которую привыкли называть языком народным».

В отчете Даля – этого выдержанного, давно привыкшего взвешивать каждое слово человека – прорывается боль за судьбу отечественного языка – живого организма, – и как современна для нас эта боль: «Коль скоро мы начинаем ловить себя врасплох на том, что мыслим не на своем, а на чужом языке, то мы уже поплались за языки дорого: если мы не пишем, а только переводим, мы конечно никакого подлинника произвести не в силах, и начинаем духовно пошлеть. Отстав от одного берега и не пристав к другому, мы и остаемся межеумками».

Первый том словаря увидел свет в 1863 году усилиями Общества любителей российской словесности. Издание оставшихся томов взял на себя Александр II, составителью он пожаловал орденовскую ленту.

Издание шло медленно, – «правка такой книги (около 2800 страниц в четырех томах. – В.К.)... тяжела и мешкотна, тем более для одной пары старых глаз»...

После выхода последнего, четвертого, тома Академия наук единогласно избрала Даля в почетные члены, наградила Ломоносовской премией, а Русское географическое общество – золотой Константиновской медалью. Дерптский университет прислал своему выдающемуся выпускнику Диплом и немецкую премию.

Он смог увидеть дело своей жизни: в 1861 году в Санкт-Петербурге вышло полное собрание его сочинений в восьми томах. Теперь к ним встал словарь, вобравший в себя все, чем полвека жил его составитель. Его «Толковый словарь...» – как волшебный фонарь, в котором по желанию сменяются во всем блеске жизни русские исторические миниатюры...

Он по-прежнему не знает покоя. Когда устает за письменным столом – а он готовит второе издание словаря, – идет в мастерскую своего дома на Пресне. Нога привычно находит подножку токарного станка; ему нравится скипидарный запах стружки, пластичная податливость дерева...

За несколько месяцев до кончины лютеранин Даль принял православие. Конечно, не для того, чтобы упокоиться ближе к своему дому, на Ваганьковом кладбище. Он не мог не принять веры народа, знающего, что «не в силе Бог, а в правде».

По свидетельству Ивана Сергеевича Аксакова, Даль «бестрепетно, без судорожных прищепок к жизни... определил заранее день и час кончины и распорядился всем мелочными подробностями похорон».

Нечаянными цветами на его могилу видятся строки письма Алексея Константиновича Толстого, драматурга и лирического поэта, автора стихотворений «Колокольчики мои...», «Средь шумного бала...», «То было раннею весной...», ставших популярными романсами: «С прискорбием прочли мы в газетах о смерти Даля, которого я знал близко и давно (А.К. Толстой – племянник В.А. Перовского. – В.К.). Своим словарем он оказал русскому слову огромную, еще небывалую услугу. ...Я припас было для него до 50 слов, им пропущенных; быть может, найдешь еще и более, но не знаю, кто теперь его продолжитель и кому мне их передать? А он с удовольствием принимал от меня подносимые ему слова».

«Толковый словарь живого великорусского языка» – единственный в мире лексикографический и этнографический музей русской и российской вселенной. Слово «подвиг» в нем толкуется как «доблестный поступок, дело или важное славное деяние».

Думается, более точного определения для всей жизни самого Владимира Ивановича Даля не найти.

Валерий КУЗНЕЦОВ

II ОБЛАСТНОЙ ФЕСТИВАЛЬ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОРЕНБУРЖЬЕ – 2001

23 ноября, пятница

18.30 Открытие фестиваля. Праздничный вечер, посвященный 145-летию областного театра драмы им. М. Горького.

24 ноября, суббота

11.00, 15.30 А. Экзюпери «Маленький принц», Бугурусланский драматический театр им. Н. Гоголя. Областной театр кукол.

17.00 Вечер русской классической музыки. 1-е отделение – С. Рахманинов «Алеко». 2-е отделение – вокально-симфонический концерт. Театр музкомедии.

18.00 А. Островский «На всякого мудреца довольно простоты», Орский драматический театр им. А. Пушкина. Областной театр драмы им. М. Горького.

21.00 Литературный вечер, посвященный 200-летию В.И. Даля, «Услышавший русское слово». В гостях у оренбургских писателей творческие коллективы Орского и Бугурусланского театров. Дом литераторов.

25 ноября, воскресенье

17.00 В. Соллогуб «Беда от нежного сердца», Бугурусланский драматический театр им. Н. Гоголя. Областной театр кукол.

11.00 Т. Габбе «Золушка», Орский драматический театр им. А. Пушкина. Театр музкомедии.

13.00 М. Бартев «О волшебной силе и солдатской доле», муниципальный театр кукол «Пьеро».

17.00 Ф. Лоу «Моя прекрасная леди». Театр музкомедии.

11.00 Ж. Пуаре «Семейный уик-энд», Бугурусланский драматический театр им. Н. Гоголя. Областной театр кукол.

18.30 З. Хаким «Золотой гребень», Татарский театр драмы им. М. Файзи.

19.00 В. Ольшанский «Тринадцатая звезда», Орский драматический театр им. А. Пушкина. Областной театр драмы им. М. Горького.

21.00 «Круглый стол». Обсуждение спектаклей фестиваля. Областной театр драмы им. М. Горького.

26 ноября, понедельник

11.00 А. Пушкин «Руслан и Людмила», муниципальный театр кукол «Пьеро».

11.00 Областной смотр самостоятельных актерских работ «Пролог», посвященный 200-летию В.И. Даля. Областной театр кукол.

18.30 М. Лермонтов «Маскарад», Областной театр драмы им. М. Горького.

19.00 Р. Мингалим «Гостья», татарский театр им. М. Файзи.

27 ноября, вторник

11.00 М. Ворфоломеев «Фантазер Киок», Областной театр кукол.

15.00 В. Куприн «Сказ о Ване Датском», Областной театр кукол.

19.00 А. Чехов «Дядя Ваня», Магнитогорский драматический театр им. А. Пушкина (гость фестиваля). Областной театр драмы им. М. Горького.

28 ноября, среда

19.00 Лопе де Вега «Раба своего возлюбленного», Областной театр драмы им. М. Горького.

18.30 Закрытие фестиваля. Областной театр драмы им. М. Горького.